

ного кругового движения. Чтобы инаковость Другого могла стать объектом интереса и понимания, она должна вызвать у нас эмоциональное состояние. В некотором смысле она должна приобрести облик метафоры или необычного сочетания обычных вещей. Как продолжает Уайт, «единственный инструмент, который используется для наделения данных смыслом, для превращения странного в знакомое... — это техники фигуративного языка» [1. 56]. Кодирование позволяет превратить чужое в свое, осуждение как фактически расширенная метафора «говорит нам, в каком направлении следует думать о событиях и заряжать нашу мысль о них различными эмоциональными зарядами» [1. 52]. А точнее, создание эмоционального потрясения посредством нарративизации становится толчком к осуществлению последующего понимания или расшифровке смысла метафоры. При этом именно эффект метафоры позволяет подтолкнуть не просто к пониманию, но к сохранению понимания Другого в его инаковости. Круг завершается тем, что в реализации толерантности понимание тоже является лишь средством. Ведь наша задача состоит не в том, чтобы понять, но и признать инаковость Другого. А это возвращает нас к идеям Рорти о роли литературы. Чужое становится своим, когда мы видим в нем то же, что есть у нас. И дело здесь не в поиске сходства обычаев и традиций, а в очеловечивании Чужого. Когда мы находим в себе силы сделать боли и радости других частью своего Я, сопережить переживаниям других, тогда мы уже не сможем быть теми, кем были до этого. А осуществить подобное преобразование нашего мировосприятия способна лишь литература.

Каков же итог? Мы уже отмечали, что нарратив является не просто формой, внешней по отношению к содержанию и порожденной потребностями, столь же внешними по отношению к нему. Нарратив конституирует само это содержание, и причина этого, как мы видим, лежит в характере наших границ и возможностей. Но тогда можно говорить о том, что нарратив конституирует и толерантность как таковую. Ведь, как сказал Рикер, мир не выражает себя через дискурс, а появляется благодаря ему [6. 133]. Итак, отношения между

нарративностью и толерантностью оказываются взаимообусловленными. Если мы ставим вопрос: о чем могут и должны быть наши рассказы в постметафизическую эпоху, то толерантность предстает одним из таких ответов. Если мы ставим вопрос: как нам быть толерантными, то нарративность предстает таким ответом.

И наконец. Нетрудно заметить, что к толерантности, в основном, призывают лишь с целью ограничить свои притязания. А зов обращен к тем, кто был слишком уверен в своем превосходстве и пытался навязать свой способ бытия другим. В этом контексте призыв к толерантности остается лишь средством на пути перехода к иным отношениям. Ведь мало терпеть других с их идиосинкразией, надо научиться жить с ними. Поэтому и в толерантности есть еще один аспект. Призыв к терпимости может быть обращен не только к тем, кто демонстрирует свое превосходство, но и к тем, кто боится впустить в себя иное, чтобы не утратить свою идентичность. Привлекательный образ Другого способен выполнить тогда иную роль — открыть богатство возможных идентификаций. В таком контексте толерантность становится не только средством на пути перехода к иным отношениям, а именно отношениям открытости, диалога, взаимообогащения, но и путем к такому переходу. Но тогда и нарративы будут призваны конституировать другие миры и предоставлять иные способы их конфигурации.

ЛИТЕРАТУРА:

1. White H. Historical Text as Literary Artifact // The Writing of History. Literary Form and Historical Understanding. Ed. by R.H. Canary and H. Kozicki. — The University of Wisconsin Press, 1978. — P. 41-62.
2. Рорти П. Случайность, ирония и солидарность. М.: Русское феноменологическое общество. 1996. — 280 с.
3. Kreiswirth M. Tell Me a story. The narrativist turn in the Human Sciences // Constructive criticism. The Human Sciences in the Age of Theory. Ed. by M. Kreiswirth and T. Carmichael. — Univ. of Toronto press, 1995. — P. 61-87.
4. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сэд, 1994. — 406 с.
5. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. — 160 с.
6. Ricoeur P. Hermeneutics and the human sciences. Cambridge university press, 1995. — 314 p.; Mink L. O. Historical understanding. Cornell university press, 1987. — 294 p.

ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК ТИП МЕНТАЛЬНОСТИ

М.Ю. Мирошников

Мирошников
Михаил
Юрьевич —
аспирант
Института
философии
и права
УрО РАН.

Под понятием *ментальности* (и менталитета) в современной литературе, как правило, понимают некое коллективное мировосприятие, включающее в себя весь спектр охвата действительности — от мироощущения и мировидения до миропонимания и мировоззрения. Ментальность является основой для оценок всего происходящего, поскольку включает в себя систему ценностей, которыми руководствуются и в повседневной деятельности, и в отношениях с людьми.

Изучение ментальности немыслимо без тщательного анализа социальных структур общества. На передний план выступают присущие той или иной социальной группе в тот или иной период истории картины мира, системы ценностей, мировоззрение. Эти системы ценностей могут находиться

как в отношении толерантности, так и в отношении конфликта основных постулатов и идей.

Не совсем правильно видеть в толерантности панацею, стопроцентное лекарство от любых социальных проблем, состояние к которому должен стремиться любой социум. Ведь толерантность это переход конфликтного состояния к действительному взаимопониманию и конструктивному взаимодействию. Толерантность сама по себе еще не разрешает конфликта, она всего лишь переводит его развитие в относительно мирное, ненасильственное русло(1). Если нет войны, то это не значит, что есть мир. Каждая сторона остается на своей позиции и лишь отказывается от насильственного, агрессивного давления. Получается некий промежуточный этап. Конфликт же все равно требует своего разрешения. Только обеспечение понимания культуры другой стороны, глубинное постижение и признание уникальных ценностей образует конструктивный диалог сторон. В этом диалоге сторон нет победителей и проигравших, но уже существует нечто третье — продукт взаимообогащения. Только так может действительно разрешиться конфликт. Толерантность понимающая или ментальная, состоит из постоянных усилий направленных на постижение мировоззрения и миропонимания оппонента, в попытке найти новые формы и методы диалога, взаимопонимания и взаимодействия.

Россия за свою тысячелетнюю историю вырабатала немало ценностей, которые и сформировали ее менталитет. Именно менталитет во многом обеспечивает связь времен и создает механизм преемственности поколений.

Если попытаться обозначить то общее, инвариантное, что выделяют в своих исследованиях историки, культурологи, психологи, экономисты и другие ученые при характеристике истоков и причин нашего культурно-национального своеобразия, то при всем отличии позиций можно обнаружить принципиальное сходство. Есть основания полагать, что в этом принципиальном сходстве и проявляют себя те существенно-значимые механизмы, которые в первую очередь и определяют русскую ментальность (в данном случае я не провожу различий между понятиями «русский» и «российский»).

Толерантность менталитета русского народа во многом обусловлена таким социальным институтом как община. Община означает взаимопомощь и взаимную поддержку, коллективный труд, совместное владение землей; в общине главенствует принцип солидарной ответственности людей друг за друга. Каждый представитель данного сообщества должен быть полностью и безукоснительно предан интересам общины. В общинной жизни лежат истоки национального понимания такого нравственно-политического феномена как чувство справедливости: ведь оно напрямую связано с изначальным социальным равенством, взаимопониманием и взаимной терпимостью, которое было обусловлено экономическим равенством всех членов общины по отношению к земле.

Община как спонтанно возникшее социальное явление и общинная жизнь со всеми ее составляющими во многом задали своеобразие менталитета русского народа. Русский человек, оказавшись наедине с самим собой (при решении каких-либо жизненных, а нередко и профессиональных проблем), испытывает целую гамму чувств и ощущений — от неуверенности и смятения до состояния животного страха и желания спрятаться за спины других. Напротив, в «тепле коллектива», в общине, в группе себе подобных наш человек проявляет смелость, смысленность, проворство и ловкость, не тревожится о будущем, «крепко стоит на ногах и держит свою судьбу в руках». В этой связи любопытно было бы провести опрос населения об отношении людей к новому типу игровых сюжетов, введенных на разных каналах отечественного телевидения за последний год: имеются в виду «Алчность», «Слабое звено», «За стеклом», и др. Наверняка, многие российские граждане дадут этим играм негативную оценку и в первую очередь из-за того, что они разрушают веками отставшие принципы — принципы коллективизма и толерантности. Упомянутые игры развивают другие навыки человеческого общения, в корне не приемлемые для нас: каждый игрок в них борется сам за себя, и победить он может только, «подставив ножку» своему соседу по игре.

Правда, в последнее время культ агрессивного индивидуализма, насаждаемый известными телевизионными развлекательными программами, начинает постепенно смягчаться, сдобриваться призывами к большей толерантности. Так, например, ведущий популярного шоу «Окна» Дмитрий Нагиев пытается негативные жизненные ситуации обсудить в форме конструктивного диалога и толерантности (правда это не всегда удается сделать — на этом и построено шоу).

Тяга к общинному укладу в измененном и трансформированном виде до сих пор присутствует в нашей жизни. В деревне коллективные хозяйства далеко еще не стали достоянием прошлого, а ведь они являются, по сути, аналогами сельской общины. Более того, общинный уклад явно просматривается и в жизни населения российских городов. Большинство таких социальных структур, как предприятия и организации, осуществляют свою деятельность явно на общинно-коллективистских принципах взаимопонимания и взаимной терпимости. С этими же мерками мы подходим и к оценке нового сектора нашей экономики — частного бизнеса и предпринимательства, где отсутствует толерантность и неминуемо присутствует агрессивность как основа принципа бизнеса — «каждый сам за себя». Естественно, это вызывает дискомфорт у тех сотрудников, для которых коллективизм и толерантность выступают базовыми ценностями, важнейшими чертами их ментальности.

См.: Перцев А.В. Жизненная стратегия толерантности: проблема становления в России и на Западе. - Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002-254 с.